

Немецкая энциклопедия инвайронментализма

RADKAU J. (2014). THE AGE OF ECOLOGY: A GLOBAL HISTORY. CAMBRIDGE: POLITY PRESS. 600 P. ISBN 978-0-7456-6216-9

Александр Куракин

Старший преподаватель департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
научный сотрудник Центра аграрных исследований при РАНХиГС
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: akurakin@hse.ru

Подзаголовок книги профессора Билефельдского университета Йоахима Радкау весьма претенциозен — «Всемирная история». Это понимает и сам автор, который старается убрать у читателя завышенные ожидания. Слово «всемирный» здесь означает не столько претензию на всеохватность, сколько попытку преодолеть национальную специфику (в данном случае немецкую) экологических дискуссий и не выдавать локальное за глобальное. Несмотря на скромность, Радкау гордо замечает, что до «Века экологии» единственной книгой по инвайронментализму, которая была бы одновременно удобочитаемой и широкой по охвату, является книга индийского автора Рамахандры Гухи «Инвайронментализм: всемирная история»¹, которая, по мнению Радкау, также не лишена серьезных недочетов и перекосов.

На немецком языке книга вышла в 2011 году — накануне, точнее, за две недели до аварии на Фукусимской атомной станции, и попала, что называется, в струю. В Германии она получила широкий резонанс и множество отзывов — как благосклонных, так и критических. Особую популярность приобрели ее финальные фразы: «Мы знаем из истории, что есть такие моменты, когда инерция существующих структур разрушается, и то, что ранее казалось невозможным, неожиданно начинает восприниматься как возможное. Вероятно, что „наилучшее использование истории для жизни“ состоит в том, чтобы настроить свое зрение на исторические события, происходящие здесь и сейчас. Кто знает, может быть, мы скоро будем жить при таком моменте» (р. 431). Последнее предложение много раз цитировалось, и было признано чуть ли не пророческим, к явному неудовольствию автора.

На английский язык книга была переведена в 2014 году. В предисловии к англоязычному изданию автор признается, что множество откликов позволили ему значительно ее переработать, и поэтому англоязычное издание существенно

© Куракин А. А., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

1. Guha R. (2000). Environmentalism: A Global History. New York, Longman. На постсоветском пространстве одним из первых социологов, опубликовавших работу на экологическую тему, стала С. П. Баньковская (см.: Баньковская С. П. (1991). Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне).

отличается от первого, на немецком. Иными словами, книгу вряд ли можно назвать завершенным произведением, раз автор готов ее переписывать раз за разом. Создается впечатление, что автор, дай ему волю, написал бы еще с десятков томов по истории экологического движения и взаимоотношениям человека и природы. Впрочем, все это говорит также и о том, что у ученого нет какой-либо жесткой теоретической рамки и он относительно свободен и гибок в своих выводах. Но об этом чуть позже.

Книга связана с предыдущими работами автора. Наиболее значительная из них — «Природа и власть», вышедшая в 2000 году на немецком, переведенная на английский в 2008, а на русский — в 2014². По словам Радкау, он рассматривает «Веке экологии» как своего рода продолжение «Природы и власти». Также стоит отметить его книги о немецкой атомной промышленности, которые используются в «Веке экологии»: монографию «Взлет и кризис немецкой атомной отрасли»³, а затем ее расширенную версию в соавторстве с Лотаром Ханом «Взлет и падение немецкой атомной отрасли»⁴.

Таким образом, автор «Века экологии» был уже давно в теме, материал для книги собирал годами. Впечатляет уже библиография⁵. Собранный материал волевым образом необходимо как-то упорядочить, чему могла бы способствовать четкая теоретическая рамка, однако автор однозначно отдает предпочтение богатству материала перед абстрактными построениями. Стремление сохранить многослойность фактического материала приводит к тому, что Радкау намеренно не дает четкого определения экологии, считая, что любое определение сделает это понятие слишком узким для того, чтобы использовать при анализе инвайронменталистского движения.

Действительно, книга — не столько история инвайронментализма вообще, сколько экологического (или инвайронменталистского) движения. Первая глава как раз и разводит два этих феномена, рассказывая об инвайронментализме до какого бы то ни было экологического движения. Иными словами, инвайронментализм лишь со временем оформился в движение, т. е. приобрел социальную форму. Здесь Радкау позиционирует свою книгу относительно двух противоборствующих классиков: Н. Лумана⁶ и Ю. Хабермаса⁷. Радкау встает на сторону последнего, хотя

2. Радкау Й. (2014). *Природа и власть: всемирная история окружающей среды* / Пер. с нем. Н. Штильмарк под ред. А. Ямскова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

3. Radkau J. (1983). *Aufstieg und Krise der Deutschen Atomwirtschaft, 1945-1975: Verdrängte Alternativen in der Kerntechnik und der Ursprung der nuklearen Kontroverse*. Reinbek: Rowohlt.

4. Radkau J., Hahn L. (2013). *Aufstieg und Fall der Deutschen Atomwirtschaft*. München: Oekom-Verlag. Заметим, что Радкау может быть интересен социологам как автор биографии Макса Вебера: Radkau J. (2009). *Max Weber: A Biography*. Cambridge: Polity Press.

5. Стоит сказать, что, учитывая фундаментальный (или даже энциклопедический) характер книги, оформление ссылок в виде концевых сносок и отсутствие списка литературы, на наш взгляд, является не очень удачным решением.

6. Luhmann N. (1986). *Ökologische Kommunikation: Kann die moderne Gesellschaft sich auf ökologische Gefährdungen einstellen?* Opladen: Westdeutscher Verlag.

7. Хабермас Ю. (2000). *Моральное сознание и коммуникативное действие* / Пер. с нем. С. В. Шачина под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука.

и довольно скептически относится к утверждению, что коммуникация как таковая — это уже действие. Мысль Лумана о том, что призывы экологов, в силу их глобальной направленности, не могут быть услышаны ни одной из подсистем, обладающих «локальным» слухом, Радкау считает несостоятельной. Во-первых, экологическое движение все более профессионализируется и прекрасно проникает в самые разные подсистемы общества. Во-вторых, Радкау на собственном примере провел множество «экологических коммуникаций», на его взгляд, вполне успешных. Наконец, он замечает, что «нельзя априори или раз и навсегда определить, в какой степени реальность соответствует Луману или Хабермасу» (р. 3). Как говорится, «вскрытие (в виде исторического исследования) покажет».

Инвайронментализм оказывается также неуловимым и в виде социального движения. Как объединить под одной крышей бесконечное количество локальных инициатив, возникающих вне всяких прямых связей друг с другом и направленных порой на совершенно разные цели? Ради этого разнообразия Радкау не ограничивает себя рамками академических определений социального движения и ориентируется на то, «каким образом те или иные темы перетекают границы социальных групп, мест и стран, комбинируются с другими темами и рождают новые» (р. 3). Радкау утверждает, что экологическое движение не обладает системной логикой и «не может быть понято, пока не будут приняты во внимание живые люди» (р. 4). Например, один подраздел книги полностью посвящен описанию деятельности десяти представительниц (очень разных!) экологического движения со всеми их успехами, неудачами и противоречиями. И здесь Радкау выступает оппонентом социологического структурализма, представляя эти биографии в противовес утверждению П. Бурдьё о «биографической иллюзии». «Невозможно понять социальные движения, если абстрагироваться от того, что ими движет, если просто рассматривать их как примеры общих моделей, с их неизбежной схематизацией. Мобильность движений нужно представлять в виде историй. То, что такой подход часто представляет лишь отдельные аспекты, оставляя пространственно-временные пробелы, понимает любой, кто когда-либо сталкивался с подобным материалом» (р. 4).

В предисловии к английскому изданию автор отмечает, что перед началом работы над книгой у него не было какой-либо теоретической рамки или генерального тезиса. Тем не менее в процессе работы у него сложились три суждения, которые он решил сформулировать:

1. Экологическое движение по своей природе глобально и имеет черты «нового просвещения» (термин, который автор одно время хотел сделать названием книги). Несмотря на это, экологические проблемы и способы их разрешения имеют региональную специфику и требуют дифференцированного подхода. Иными словами, глобальное видение проблемы сочетается с локальными рецептами оздоровления⁸.

8. Это отсылка к популярному и растиражированному слогану экологов: «Думай глобально, действуй локально».

2. Результаты экологического движения и природоохранной деятельности следует рассматривать в долгосрочной перспективе. Немедленного экологического мероприятия, как правило, не дают, а ожидания быстрых результатов порождают критику всего движения как бессмысленного, фарсового мероприятия.

3. Экологическое движение базируется на рациональных основаниях и не является лишь панической реакцией на экологические катастрофы, поэтому его можно назвать новым, «зеленым» просвещением. По крайней мере, автор ставит рациональные соображения во главу угла своего исследования, хотя прекрасно осознает, что помимо рациональных аргументов в экологическом движении, подобно Просвещению XVIII века, присутствуют духовные, мистические мотивы. В то же время он подчеркивает, что индивидуальные усилия различных экологических активистов сходятся именно на рациональном, а не на мистическом уровне.

Пересказывать содержание этой книги — бессмысленная затея. Это не статья, содержащая краткий тезис, а объемное (431 страница, не считая примечаний) произведение, выполненное в форме интеллектуального путешествия. Однако какую-то структуру обрисовать все-таки следует, чтобы понимать, с каким текстом мы имеем дело. Книга построена хронологически, как и подобает тексту, написанному историком. В ней представлена периодизация, разбитая на три кластера. Первый кластер охватывает предысторию экологического движения: с 1875 года, когда в Великобритании был принят закон об утилизации мусора в городах, по 1914 год, когда в Швейцарии был образован первый в Европе национальный парк. Второй кластер (с 1965 по 1972 год) охватывает экологическую революцию 1970-х гг. Третий (с чернобыльской аварии 1986 по 1992 год) знаменует собой новый «исторический поворот» в экологическом движении.

Введение к книге «Зеленый» хамелеон указывает на разнородность экологического движения и его трудноуловимый характер для всякой концептуализации, заключение же «Диалектика „зеленого“ просвещения» как бы замыкает повествование, представляя эту разнородность в виде диалектики. Здесь Радкау проводит прямые параллели с работой Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Диалектика просвещения»¹⁰. Немецкие классики показывают, как Просвещение, стремясь к освобождению, производит собственные механизмы принуждения, собственные мифы и превращает разум в инструмент доминирования. Экопросвещение содержит собственную диалектику: с одной стороны, экологическое движение продолжает процесс расколдовывания мира, заложенный старым Просвещением, развенчивает идею прогресса, столь дорогую для Просвещения XVIII века¹¹; с другой стороны, экологи сами создают почву для новых колдовских чар (на сей раз зеленого цвета). Эти чары в виде экологической повестки дня в политическом поле

9. Другой вариант — экопросвещения (Green Enlightenment).

10. Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997). Диалектика просвещения: философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум, Ювента.

11. Об идее прогресса в общественных науках см.: Давыдов Ю. Н. (1997). Введение: Исторический горизонт теоретической социологии // История теоретической социологии. Т. 1. М.: Канон. С. 7–27; Шанин Т. (1999). Идея прогресса // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос. С. 525–531.

неизбежно вовлекают экологов в политические игры. Если не само экологическое движение, то порожденные им идеи могут существенно переформатировать как внутреннюю, так и международную политику. Например, осознание конечности ресурсов на планете может обострить борьбу за них, желание застолбить их впрок. Здесь возникает новое противоречие. Добиться своих целей порой невозможно, если не идти путем «от движения к управлению» (from movement to government), но этот путь содержит риски вырождения, бюрократизации, профанации, разочарования масс и т. п. Наконец, под угрозой находится и единство экологического движения, которое вполне может развалиться на отдельные конкурирующие друг с другом направления. Например, сторонники альтернативных источников энергии, приветствующие биотопливо, и сторонники биоразнообразия, озабоченные тем, что поля засеиваются ограниченным набором культур, из которых производится биотопливо. Радкау видит пользу исторических штудий экологического движения именно в том, чтобы показать пространственно-временную укорененность многих экологических вопросов, а также напомнить прошлые дебаты, актуальные сегодня, но забытые даже в среде экологов.

Итак, «Век экологии» — это не стройное теоретическое произведение, полемизирующее с альтернативными теоретическими схемами. Однако это и не голое перечисление фактов и событий в хронологическом порядке. Трудно сказать, насколько прорывной может оказаться эта книга для специалистов по истории инвайронментализма, но для начинающих исследователей этот объемный труд, безусловно, послужит прекрасной отправной точкой и ориентиром в безбрежном море литературы по предмету.

German Encyclopedia of Environmentalism

Alexander Kurakin

Senior Lecturer, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics
Research Fellow, Center for Agrarian Studies, Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: akurakin@hse.ru

Review: *The Age of Ecology: A Global History* (Cambridge: Polity Press, 2014) by Joachim Radkau.